

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ

ВОДОЛАЗОВ Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО), Москва, Россия (gvodolazov@yandex.ru).

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и послеоктябрьского развития, признавал необходимость коренной перемены всей точки зрения на социализм. Им был поставлен вопрос о создании теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX в. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общество из тупиков капитализма, не ввергнуть его в тупики авторитарно-бюрократической системы. В статье анализируется вклад Ленина в теорию социализма. Ставится вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в социально-преобразовательную теорию, что отброшено («мертвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI в.

Ключевые слова: Октябрьская революция • военный коммунизм • нэп • либерализм • социализм • демократия • плюрализм • реальный гуманизм • кейнсианство

DOI: 10.31857/S013216250009109-2

В России 1920-х гг. ситуация напоминала нынешнюю. Проблема (не всеми идеологами и политиками тех лет осознаваемая) состояла в том, как, избавляясь от губительных отношений капитализма, не угодить в тупики тоталитарной системы? В.И. Ленин был тем мыслителем, кто понял эту задачу и попытался ее решить в теории и на практике. Правда, осознал ее в конце своей жизни, но в последних статьях, диктовках, письмах, совокупность которых называет его «Политическим завещанием», успел положить плодотворное начало, не получившее, однако, продолжения ни его в теоретических работах, ни в деятельности последующего поколения политиков. Нить теории социального развития была оборвана в самом начале. Осмыслению предлагаемых им решений и посвящена статья.

Ленинское наследие: живая вода. Ленин констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [Ленин, 1970с: 376] (6 января 1923 г.). В этом тезисе – итог его анализа практики Октября и послеоктябрьского развития. Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало теории социального развития, концепции общества, идущего на смену капитализму.

В чем состояла принципиальная новизна? То, что капитализм с «кричащими» социальными противоречиями, эксплуатацией, экономическими и политическими кризисами, кровопролитными войнами должен быть преодолен, понимали многие. Одни призывали к радикальным реформам, другие – к сотрясающим мир революциям. Разработанной теорией приходящего на смену капитализму строя была теория Маркса. Ее лозунгами руководствовались русские революционеры-большевики, первыми в истории приступившие к реализации идей Маркса: взяли власть, отстаивали право руководить страной и стали двигаться по пути строительства «марксистской», «социалистической» России. Посреди, казалось, успешного революционного похода вождь большевиков заявляет: нужно пересмотреть (к тому же «коренным образом») постулаты, которым они следовали. Призыв шокировал.

Поражает теоретическая смелость и политическая честность Ленина. Речь шла не о «поправках», а о радикальном изменении курса, прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. Его последние статьи, его «Завещание» плохо воспринимались узко мыслящими наследниками во главе со Сталиным. Что это были за

идеи, которых страшились его наследники, которые они закапывали? Попытаемся вернуть к жизни идеи, которые, как живая вода, способны быть истоком современных теорий социальных преобразований?

В них, на наш взгляд, ключ к пониманию противоречий современной реальности, ответ на вызовы нашего времени.

Что пересматривал Ленин? Прежде всего – прежнюю экономическую стратегию и положения социалистической теории. Ленин и большевики во время Октябрьской революции защищали идею строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало: 1) уничтожение частной собственности¹; 2) построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по единому, из центра плану²; 3) создание новой политической системы: народная власть в форме Советов; 4) приход к власти через революцию, политическое насилие и продолжение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

Через три с половиной года после «победного» Октября Ленин констатирует: эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (и вообще приемлемого) – результата. Следование им ведет в тупик, ввергает общество в тяжелый кризис. Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности в сферах экономики и политики. В этих целях «мы» (большевики) сразу после Октябрьской победы уничтожили частную собственность на крупное производство, провели национализацию, попытались наладить взаимодействие между классами, не прибегая к торговле и рынку, пытались организовать непосредственный обмен продуктами, готовились к планово-государственному распределению ресурсов.

Отношения пролетариата с крестьянством, государства с многомиллионной массой крестьян определяла «продразверстка» в условиях «военного коммунизма». Государство «верстает» план изъятия хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска продукции, выплачивая из бюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, 1970b: 157]. Крестьянам (как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу разрухи (после мировой войны и революционных потрясений) платить было нечем. Приходилось прибегать к не очень гуманным мерам. «Мы фактически брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги» [Ленин, 1970a: 219–220]. Крестьяне во время гражданской войны понимали: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты от землевладельцев, которым «белые» обещали вернуть переданную большевиками крестьянам собственность. Им была понятна мысль Ленина: «Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли» [там же: 220]. Крестьяне приняли политику «военного коммунизма» с «продразверсткой» как необходимую, но временную меру. Но после гражданской войны крестьяне отказывались таким образом отдавать продукты своего труда. Большевики натолкнулись на сопротивление.

Были более фундаментальные причины. У большевиков была уверенность, что дорога к социализму идет через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Ничего помимо государства: они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, даже деятельность рабочего класса. Осталось каждое крестьянское хозяйство сделать частью общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал Ленин. И выяснилось: не только крестьянин не желает быть

¹ «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1955b: 438].

² «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» [Ленин, 1969a: 101]. «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» [Ленин, 1968: 127].

«винтиком» общенациональной «фабрики», но и в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой экономике миллионы мелких самостоятельных хозяйств. Они атомизированы, между ними нет связующих экономических нитей. Их можно сделать частью единого экономического механизма двумя способами: продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, примененный сталинцами, губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны, ибо насилие *в мирное время* – путь к социальной катастрофе) либо торговлей, рынком. По гуманистическому и экономически эффективному пути предложил пойти Ленин.

8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от дискуссии и на клочке бумаге набрасывает: 1) удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом; 2) уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлой годней разверсткой; 3) одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения % налога при старательности земледельца; 4) расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога. Так родилась идея новой экономической политики. 15 марта 1921 г. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене разверстки натуральным налогом». Первый пункт принятой съездом резолюции: «...разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [X съезд..., 1963: 608]. Новая экономическая политика (НЭП) становится официальной стратегией развития страны.

Произошел настоящий социально-экономический переворот – и предпосылка переосмотра основ прежней теории. Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» – это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, взявшей курс на социализм. Парадокс: только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в России. Это было решение задачи, «как строить... социалистическое здание в мелкокрестьянской стране» [Ленин, 1970b: 151]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что <...> капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя [курсив мой. – Прим. Г.В.]» [Ленин, 1970c: 85–86].

Через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или «капитализм», окруженный «социализмом». Ее можно бы обозначить «социализм-капитализм», или «капитализм-социализм», Ленин назвал «государственным капитализмом», выходя на принципиально новый уровень теории.

Большинство участвовавших в прениях по ленинскому докладу о нэпе полагало, что в результате страна скатится к капитализму (зачем тогда делали революцию?). Ленин энергично возражал. Поворачиваемся не к капитализму, а к особому типу капитализма, который собственно классическим типом капитализма не является, ибо допускаемые нами капиталистические отношения окружены высоким социалистическим забором. То есть возникает смешанное единство «социализма» и «капитализма» – это принципиально новое, невиданное в истории социальное образование. Это не подавление капитализмом социализма, но и не подавление социализмом капитализма. Это «соревнование государственных и капиталистических предприятий», это «практическое соревнование способов капиталистических и способов наших» [там же: 89]. Для коммунистов смысл такого соревнования – учиться у капиталистов работать организованно, напряженно для развития страны.

Главную особенность нэпа, его место в истории мирового социального развития Ленин видит в том, что это – не на время провозглашенная тактика, а общественная формация, которая, имея черты социализма и капитализма, тем не менее, не является ни тем, ни другим.

«Госкапитализм есть капитализм, – возражал Ленину Преображенский, – и только так понимать можно и должно» [там же: 117]. И ответ Ленина: «Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад» [там же: 117]. «...нет ни одной книги, в которой было написано про государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [там же: 84]. Наш государственный капитализм – «это капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный» [там же: 117–118], «не тот, о котором писали немцы. Это капитализм, допущенный нами... Капитализм мы допустили, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» [там же: 119, 120]. Он – наполовину капитализм, а наполовину – социализм, и эти «половинки» будут соревноваться, конкурировать, ограничивать и дополнять друг друга. Это соперничество и сотрудничество одновременно, что даст толчок развитию сельского хозяйства и промышленности. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет ограничивать эгоистические устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая в «капитализм с человеческим лицом».

Не проиграем ли мы? Ленину часто задавали такой вопрос однопартийцы. Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в этом соревновании велика. Но уверял, что есть шансы избежать поражения, ограничить капиталистические устремления. В чем эти шансы? «В чем наша сила?» – ставит вопрос Ленин [там же: 95]. И отвечает, акцентируя три фактора: политическая власть – в наших руках; экономическая сила – в наших руках; решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – в наших руках.

Что крайне важно, сотрудничество происходит не со всеми частями капиталистического класса, а только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») убрали с общественной арены после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было предпосылкой возможности (и успешности) нэпа. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному тогда социалистическому хозяйственному сектору было не под силу. Поэтому Ленин предполагал, что есть все шансы успешно выйти из тупиков, в которые завела военно-коммунистическая политика, и вступить на дорогу экономического прогресса.

Такая политика исключала крупных капиталистических собственников, но допускала крупный капитал в форме зарубежных концессий. «Концессии, – подчеркивал Ленин, – это блок с капитализмом передовых стран», «это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах» [X съезд..., 1963: 443]. Монополистический, олигархический *зарубежный* капитал будет допущен с оговоркой: у него не будет возможности доминировать в экономическом блоке нэпа и нет нужды доминировать политически. От его возможных политических поползновений страна защищена мощью государства трудящихся, в том числе военной. Ленин не скрывает, что в первое время он будет эксплуатировать экономически основательно, значительный объем экономических выгод от сотрудничества будет доставаться ему, но все равно видел в этом выгоду. «Если мы дадим руду или лес концессионеру, – разъясняет Владимир Ильич, – он возьмет громадную долю этого продукта и даст нам небольшое долевое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое заграничному

капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть» [X съезд..., 1963: 443].

Вот такой союз намечает Ленин: союз с зарубежным крупным капиталом для упрощения социалистического сектора, его позиций в соревновании с национальным мелким и средним капиталом. И это был не утопический замысел. Зарубежный капитал пошел на этот союз, ибо получал экономические выгоды.

Кооперация. Завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего нэп и сформулировавшего ее принципы. В концепции съезда недоставало, как выяснил Ленин, важного звена: что же «мелкое крестьянское хозяйство» и останется долгие-долгие годы во власти частной собственности, капитализма? Нет ли пути, чтобы в ходе «соревнования» крестьянин приближался к социалистическим формам деятельности?

Эта форма Лениным найдена – кооперация. «Благодаря нэпу, – пишет он, – кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [Ленин, 1970с: 369]. И дальше еще важнее: «...теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России» [там же: 369–370], и поясняет: «...теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..., степень подчинения его общим интересам» [там же: 370]. Через кооперацию – совместную деятельность мелких собственников в разных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь частным интересом, крестьянин вступает в потенциально социалистическую сферу деятельности – вначале эпизодически, потом делает дальнейшие шаги, развивая свои общественные связи. Для Ленина приход к идее кооперации, как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путем возможно более простым, легким и доступным» [там же: 371], значил многое: его концепция новой экономической политики получила завершение. Без этого звена новая экономическая политика была неполна. Найдены звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить хозяйственный прогресс страны, ее движение к социализму – в новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [там же: 373].

Создание концепции новой экономической политики (по сути, концепции «нового социализма») завершено. Спряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии), с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – *главные черты новой теории послекapиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма.*

Нэп – как движение от Утопии к Реальности. Как правило, нэп рассматривают не как новую концепцию социализма, а как временное «отступление». Тем самым перечеркивается фундаментальная новизна ленинского теоретического поиска. У Ленина есть характеристика нэпа как «отступления», но о каком «отступлении» идет речь? «Отступили» от ряда прежних установок и надежд, забежали «вперед», не считаясь с реальными возможностями. Не в «социализм» забежали, от которого надо вернуться к капитализму, а в Утопию, а надо вернуться к Реальности. С точки зрения исторического развития это «шаг вперед». Ленин постоянно подчеркивает условность термина «отступление»: «...мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад... [курсив мой. – Прим. Г.В.]» [там же: 302]. В этом суть: мы не «отступаем», мы «как бы» отступаем, делая шаги вперед.

И еще один аспект проблемы: соотношение нэпа и Октябрьской революции. Ряд авторитетных исследователей нэповской проблематики высказывают мысль, что нэп

исправлял ошибки, сделанные не только под влиянием прежней социалистической теории. Нэп представляется ими как отрицание Октября, который был «тягчайшей ошибкой», толкнувший Россию на «тупиковый, гибельный путь». У меня другая точка зрения.

Нэп, «оживляя» капитализм, ставил задачу использовать его потенциал, не допуская победы над социалистическим укладом, – что было условием экономического прогресса российского общества. Возможность ограничения капиталистических тенденций теория нэпа связывала с тем, что политическая власть находилась в руках трудящихся и что были национализированы капиталистические предприятия; следовательно, экономическая власть была в руках Советского государства. Все это условия успеха нэпа; Октябрьская революция создала их: привела рабочий класс и его партию к политической и экономической власти. Без этого был бы невозможен разговор о нэпе.

Октябрьская революция была всемирно-историческим деянием, не лишенным ряда иллюзий и утопических установок, которые и стремился исправить нэп. Это был прорыв в развитии социалистической теории. Новое слово было реалистическим и эффективным – что показала практика его реализации.

Но успехи нэпа оказались не долговременными. Через 5–6 лет нэп был похоронен сталинской командой; возвращались методы, родственные военному коммунизму. Плюралистическая экономическая демократия нэпа была заменена системой политического насилия, административно-командного диктата. Причин этого много – корыстные интересы бюрократии (возглавляемой сталинским руководством), неумение (чаще – нежелание) экономическими методами решать проблемы реализации нэпа. Был еще один фактор, облегчавший сталинцам возможность похоронить нэп: незавершенность, недоработанность, ограниченность стратегии новой экономической политики. При возникновении нэп был «живой водой» для умиравшей экономики страны. Он оживил ее. Но в нэповской «реке» текла и «мертвая» вода, существенно снижавшая качество и силу воды «живой». Ленин не смог (не успел?) избавить нэповское течение от этого.

«Мертвая вода» эпохи нэпа. Нэп был плюралистическим пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций, но нэп все время наталкивался на политические стены: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, централизм.

Ленин как великий политический диагностик различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат, – писал он, – ровно никуда не годится, нужна “переделка нашего аппарата”» [Ленин, 1970с: 376]. Он пропитан бюрократизмом, «комчванством», оторван от масс, «коммунисты стали бюрократами» [Ленин, 1975: 180]. В обыденном сознании «бюрократизм» не рассматривается как масштабное опасное социальное зло. В действительности бюрократизм – особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности скрываются. «Всеобщий дух бюрократии, – писал Маркс, – есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру – ее замкнутым, корпоративным характером» [Маркс, Энгельс, 1955а: 272]. Бюрократу безразлично народное мнение. Не от народного мнения зависят его жизнь и карьера; от благосклонности начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность к нижестоящим и угодничество по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, заметил социолог-народник Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница господ, смотришь сверху – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно. Бюрократизм – система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «Авторитет есть... принцип ее [бюрократии] знания, и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей» [там же: 243]. Бюрократизм замешан на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет все сотворить... она возводит волю в *cause prima* (в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности» [там же: 243].

Отсюда – ленинское пророчество: «Если что нас погубит, то это» [Ленин, 1975: 180], «от этого врага мы должны очиститься» [Ленин, 1970с: 15].

Ленин видел цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (малочислен и деклассирован пролетариат России) в диктатуру партии, та в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, на вершине этой вертикали – непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Эта цепочка не будет зловещей, если Авторитетом будет человек, не упивающийся огромной властью, умеющий ею в интересах общества пользоваться. Примеры: Ленин, Красин, Луначарский, Чичерин. А если Берия, Ежов, Вышинский, Сталин?..

Нельзя, чтобы судьба страны и ее людей абсолютно зависела от особенностей личности. Это для общества чревато бедами. Ленин видел душашую инициативу масс социальную болезнь – бюрократизм и напряженно искал эффективные лекарства. «Я советовал бы очень предпринять ... ряд перемен в нашем политическом строе, – взволнованно писал он в “письме” XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» [там же: 343]. К чему сводился предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о них он написал в «Письме к съезду», в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)? 1. Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган государственного контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это – против бюрократизации госаппарата. 2. Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган партийного контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединенный с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточения власти в партии и государстве в одних руках. 3. Увеличить число членов ЦК партии для устойчивости, снижающий возможность раскола. 4. Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Насколько эффективными оказались эти предложения? Что показала практика? Разговор о реорганизации Рабкрин (РКИ) начат пафосно: «Вот о каких высоких задачах мечтаю я...» [там же: 406]. О каких «высоких задачах» мечтает Владимир Ильич? «Я планирую, – пишет он, – ...слияние авторитетнейшей партийной верхушки с “рядовым” наркоматом» [там же: 406]. «Авторитетнейшая партийная верхушка» – это ЦКК. «Рядовой» наркомат – Рабкрин. Ленин видит в этом слиянии инструмент дебюрократизации, демократизации государственно-партийной структуры. Для преодоления бюрократизма надо ставить власть (в государстве и партии) *под контроль* – основная ленинская идея. Поэтому и необходимо слияние двух контрольных органов – партийной (ЦКК) и государственной (Рабкрин). Рабкрин, контролируя работу госаппарата, будет иметь возможность опереться на авторитет и полномочия высшего партийного органа – ЦКК, а ЦКК дополнит свою силу, опираясь на стоящие за Рабкрином массы рабочих и крестьян. Также предлагается организационно, кадрово укрепить обе структуры: увеличить число членов ЦКК³, аппарат Рабкрин свести до 300–400 служащих. В новую структуру ввести «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезной поставленной цели» [там же: 391–392].

Несколько сотен людей и будут контролировать ЦК партии и Политбюро: «присутствовать на Политбюро и проверять все документы, ...практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая нижними местными, и т.д.» [там же: 386]. В ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола [там же: 387]. Члены этой новой организации «должны составить сплоченную группу, которая, “невзирая

³ «Я предлагаю съезду выбрать 75–100 (цифры все, конечно, примерные) новых членов ЦКК из рабочих и крестьян» [Ленин, 1970с: 384].

на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [Ленин, 1970с: 387]. Утопия в стиле Фурье.

Кто подберет прекрасных контролеров высшей власти? «Служащих Рабкрин мы [по-видимому, руководители партии. – Прим. Г.В.] должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания [кто будет «испытывать»? Опять высшее руководство партии. – Прим. Г.В.]... Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты [кто это будет определять? По-видимому, высшие партийные инстанции, которые потом и будут контролироваться подобранными ими людьми. – Прим. Г.В.]» [там же: 393].

На практике подобрали высшие партийные руководители (во главе со Сталиным) несколько сотен людей (положив им, по совету Ленина, высокие оклады – в целях «независимости»), поставили во главе верного Сталину Куйбышева. Начала эта новая организация «контролировать». Кого? Сталина? Предохранила она Политбюро от раскола? Нет, катастрофически раскол ускорила, став дубинкой сформировавшего ее Сталина. Сталин «проконтролировал» соперников – Троцкого исключил из партии и вышвырнул из страны, Зиновьева и Каменева исключил из партии, арестовал, расстрелял. XII съезд, к которому с надеждой обращался Ленин, вопрос о Рабкрине не внес в повестку дня и намеченных Лениным полномочий ЦКК не предоставил (не стал ЦКК органом, равноправным ЦК). Вот и вся история с Рабкрином и ЦКК. Не об этом «мечтал» Владимир Ильич...

Нужна была новая политическая политика. Обратим внимание на особенность ленинских мыслей о реорганизации Рабкрин-ЦКК: в них едва просвечивает идея создания как бы второго центра власти, ограничивающего всевластие и всемогущество первого центра (ЦК, Политбюро) и получающего право контроля над ним (некий намек на двухпартийность). Может, стоило основательнее прописать эту идею и довести ее до логического конца в теории и реализовать на практике? Потянула бы эта идея за собой другие, еще радикальнее? И, возможно, пришел бы тогда Владимир Ильич к констатации, что «диктатура пролетариата» (которой, хотя менее уверенно, держался он до последних дней) не может быть политической системой основанного на нэпе социалистического общества. Нэп усиливал разнообразие интересов социальных сил в обществе, и задача была – находить эффективные способы согласования интересов социальных слоев, групп, классов. А это возможно, только если эти социальные силы будут иметь политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придется продумать механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных программ действия. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» несогласных с навязываемой обществу «генеральной линией» партии.

Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» на политическую систему социализма, на «диктатуру пролетариата», на политическую систему «военного коммунизма». Нужна была по аналогии с новой экономической политикой новая политическая политика (НПП), а не просто «ряд изменений». НПП исключала бы слова: «диктатура», «революционная целесообразность» и была бы теорией новой демократии и правового государства. Представляю, как сложно было в условиях 1920-х гг. прийти к необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать эту концепцию применительно к условиям той поры, тем более воплотить ее в жизнь. И все же следовало, наверное, искать приемлемые формы, пробовать варианты, пусть рискованные.

Почему бы НПП не дать, например, возможность вернуться на политическую арену страны конкурирующим с большевиками социалистическим партиям эсеров и меньшевиков? Боялись, что их деятельность, их критика поколеблет советскую власть? Но не побоялись же дать простор (пусть с ограничениями) капитализму (оппоненту, для большевиков более опасному, чем оппозиционные социалисты). Ограничили бы возможности, как

ограничили капитализм. Ввели бы «правила игры». Исключили бы из возможного союза фракции этих партий, которые стояли на почве *вооруженной борьбы* с советской властью. Нелогично: не бояться капитализма и бояться социалистов, выступающих за мирную конкуренцию и идеи нэпа.

Да и «философский пароход» можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны талантливых, всемирно известных представителей русской интеллигенции? Многие из них критически настроены к советской власти и большевикам? А капиталисты, которых допустили к сотрудничеству в условиях нэпа, – что, менее критичны? Провозгласили необходимость «культурной революции» – и цвет русской культуры отправили за рубеж.

Таким образом, фундаментальная экономическая реформа нуждалась в дополнении ее фундаментальной политической реформой, а не предложенными Лениным «рядом политических изменений», которые результата не дали. Строй не изменили, не предотвратили нашу страну от вползания в сталинскую казарму. Сопутствовавшая демократическому нэпу авторитарная политическая система была той «мертвой водой», от которой нужно уберечь программу и стратегию современного социализма. Усваивавшая уроки прошлого стратегия (для России), по-видимому, должна сегодня выглядеть так: общественная собственность + частная; социализм + капитализм (исключая олигархат); план + рынок; национальная экономика + зарубежные концессии; + кооперация; + широкая политическая демократия, т.е. *нэп + НПП*.

Современная социально-преобразовательная стратегия невозможна без решения вопроса нравственности в революционном (шире – политическом) процессе. Ленинские установки на сей счет подчас неудачны, неосторожны. Они из разряда той «мертвой воды», от которой мы хотели уберечь теорию современного социализма. Критический анализ этих установок тем более необходим, что их (предельно огрубляя и доводя до абсурда) брала на вооружение сталинская команда.

Какие формулировки Ленина я имею в виду? В «марксизме... нет ни грана этики» [Ленин, 1967: 440–441]. Это сказал Зомбарт, но Ленин поддержал этот тезис. Сталинцам нравилась освященная Лениным установка. Никаких этических сдерживающих политическое действие факторов, во имя цели «все позволено» – так они трактовали ленинскую мысль и вершили дела на практике. Это упрощение, огрубление ленинской мысли. У Ленина другой подтекст: только нравственная проповедь не способна поколебать (тем более устранить) буржуазный антинародный режим. Нужна организованная *политическая* борьба угнетенных и эксплуатируемых классов – в ней залог успеха. Но сформулирована эта в принципе верная мысль неудачно, что облегчало приспособлять ее к тоталитарному (и авторитарному) режиму. В принципиальных формулировках не должно быть двусмысленностей.

Другой ленинский тезис: «Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество» [Ленин, 1981: 311]. Заметим, Ленин признает существование нравственности в марксизме, при этом указывает, что она должна быть связана с созданием «нового» (социалистического) общества. Но характер этой связи формулируется Лениным «неосторожно», что и позволяло сталинским идеологам впоследствии интерпретировать этот тезис в макиавеллистском духе: «Все, что приближает нас к желанной цели (коммунизм, социализм, как мы их понимаем) – все допустимо, все позволено, все нравственно (цель оправдывает любые средства!)». Лучше бы поменять местами части этой формулы: все, что нравственно, – служит будущему «совершенному», «новому» строю («коммунизму», «социализму»). То есть не приближением к «совершенному» строю (по-разному понимаемому) оценивать нравственность действий, а нравственностью оценивать: к «совершенному» строю движемся или в другую сторону. Не нравственность подчинять социализму, а социализм – нравственности.

К неудачным формулировкам можно отнести определение Лениным революционной государственности («диктатуры пролетариата»): «Власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [Ленин, 1969b: 245], исходящая из «революционной целесообразности». Такое определение в сознании угнетенных (радикально, революционно настроенных, но политически «темных») людей, коих много было в низах народа, однозначно будет оправданием произвола.

С учетом реального сознания части революционной массы нужна другая формулировка. Новая государственность не может опираться на прежние законы, но у нее должны быть законы, в рамках которых она будет действовать. Поскольку новая государственность пробивает себе дорогу революционным насилием, она не может не применять насильственные методы («непосредственное насилие!»), но должны быть нормы, принципы, пределы, ограничения – дабы насилие не превратилось в произвол. Эти ограничения должна установить революционная государственность продуманными, взвешенными, обсужденными решениями ее институтов.

«Неудачность», «неосторожность» формулировок нередко связана с тем, что политик не всегда учитывает уровень политической (и общей) культуры людей, к которым обращается. Опасно в неразвитое политическое сознание вносить идеи и лозунги, которые это сознание не способно адекватно интерпретировать, создавая возможность превратного их толкования. Ленинские определения соотношения нравственности и революции, политики и морали, содержания «новой государственности» следует отнести к тому, что мы назвали «мертвой водой».

«Обожествление партии» – еще одна струя «мертвой воды» в большевизме. Партия большевиков после Октябрьской революции была доминирующей политической структурой России. X съезд принимает решение «О единстве партии», запрещая фракции, подрывающие единство и сплоченность партии. На деле это решение подрывало жизнеспособность партии. «Фракциями» можно было объявить (что при Сталине и делалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения». А главное, в тех условиях «запрет фракций» был на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения.

Реально это выглядело так. Узкий круг вождей (по сути, Ленин, когда был во главе партии) разрабатывает стратегию и предлагает ее партии. Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (ведут к созданию «фракций»), то идеи пришедшей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей, того (как «фракционера») исключают из партии. А если в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Где механизм их обсуждения и исправления? X съезд сделал все, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин защищал это решение. Так закладывались основы большой беды. В стране «диктатура пролетариата», политику определяет единственная в стране партия. Это означает (как признавали партийные вожди) «диктатуру партии» (в ней многоголосие, инакомыслие запрещены), которая превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы вождей, группа выдвигает лидера – так рождается режим единоличной диктатуры.

Справедливости ради замечу, что в решении X съезда о «Единстве» есть оговорки и дополнения. Можно в непосредственной преддверии съездов проводить в узком партийном кругу нечто вроде «обсуждений», издавая дискуссионные листки. Да и лидерство Ленина существенно отличалось от сталинского культа. Ленин стремился и умел действовать убеждением. Он, критикуя ошибочные, по его мнению, позиции товарищей, подчеркивал значимость и заслуги критикуемых. Это была товарищеская критика.

Вместо заключения: заглядывая в будущее. В XXI в. человечество вступает в принципиально новую социальную реальность. Оно у черты перехода от прежних форм социальной жизни к ее новым формам, от прежних форм мышления и идеологических парадигм к новым. Это переход от истории локального развития стран и цивилизаций к их сложно-противоречивому взаимодействию в рамках глобализации; от ситуации

миро-человеческого бессмертия к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало смертным (способным уничтожить самое себя); от «узко-социального» мышления к «ноосферному»; от антагонизма либеральной и социалистической идеологий к их конвергенции; от понимания прогресса как «развития материальных, производительных сил» человечества к пониманию его как процесса снятия «отчуждения», как процесса «очеловечивания» мира и человека, как процесса освоения («присвоения») каждым индивидом богатства человеческой сущности. Речь, по сути, идет о рождении принципиально нового субъекта мировой истории и о возникновении Нового Мира, в котором этому субъекту предстоит действовать. Действовать, по-новому формулируя цели и идеалы, определяя средства их достижения. На место прежних мировоззренческих установок должно прийти *новое мировоззрение*, основной императив которого можно сформулировать так: «Очеловечивание человека и среды его обитания» – это мировоззрение должно по праву быть названо *Новым Гуманизмом* или *Неогуманизмом*.

Классовые интересы? Да! Но борьба за их реализацию будет совмещаться с учетом общечеловеческих, общемировых интересов и ценностей, подчинена им. «Национальные интересы» стран и народов не исчезают, но они должны быть соподчинены с глобальными, общечеловеческими интересами. Прежние идеологии (наиболее значимые среди них – социализм и либерализм) не перечеркиваются, поскольку в них сохраняется содержание, ряд интенций, сыгравших позитивную роль в истории человечества и способных сыграть ее в будущем. Но они должны быть преобразованы с учетом вызовов современного развития и в преобразованном виде. Идеологический, социально-политический эквивалент, сочетающий демократически-социалистические ценности и императивы неогуманизма может быть назван (употребим знаменитую формулу Маркса) *Реальным Гуманизмом*, который и есть современный социализм, устремленный в Будущее!

Закончу разговор о ленинском наследии цитатой из «Рукописи о русской революции» Р. Люксембург. В ней автор выступает с откровенной, острой (а порой резкой) критикой недемократических аспектов стратегии возглавляемых Лениным большевиков. Но «нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы они при таких обстоятельствах оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они, право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях... Большевики показали, что они могут все, что только в состоянии сделать истинно революционная партия в границах исторических возможностей... Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного... В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: “Я отважился!” Вот что самое существенное и *непреодолимое* в политике большевиков. В этом смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит “большевизму”» [Люксембург, 1991: 332–333].

Подписываюсь под каждым словом! С добавлением: «большевизму», освобожденному от «мертвой воды» и дополненному идеями, отражающими современную реальность. Тогда традиционный большевизм превратится в теорию современного демократического социализма. Шире – в современную социально-преобразовательную теорию, теорию «Реального гуманизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 17. М.: Политиздат, 1968.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969а.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1969б.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1970а.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970б.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970с.
 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 54. М.: Политиздат, 1975.
 Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Люксембург Р. О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955а.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955б.
 X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.

Статья поступила: 15.11.19. Финальная версия: 14.02.20. Принята к публикации: 02.03.20.

LENIN'S HERITAGE: 'WATER OF LIFE' AND 'WATER OF DEATH'

VODOLAZOV G.G.

MGIMO University, Russia

Grigoriy G. VODOLAZOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., MGIMO University, Moscow, Russia (gvodolazov@yandex.ru).

Abstract. Summing up the lessons of the October Revolution and the first years of the post-October development, Lenin stated: "We have to admit a fundamental change in our whole point of view on socialism". This way the question was raised about the need to create a theory of renewed socialism that meets the conditions of the 20th century. The theory that would solve the problem: how, leading society out of the deadlocks of capitalism, not to plunge into other dead ends – the dead ends of an authoritarian-bureaucratic system. In this context the article analyses the contribution made by Lenin to the theory of renewed socialism. The following question is posed: what of Lenin's legacy can be included ("water of life") in the modern socio-transformative theory, what is discarded ("water of death") and how can it be supplemented, based on the realities of the 21st century.

Keywords: October revolution, military communism, NEP, liberalism, socialism, democracy, pluralism, real humanism, Keynesianism.

REFERENCES

- Lenin V.I. (1967) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1968) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1969a) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1969b) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 37. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1981) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 41. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1970a) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 43. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1970b) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 44. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1970c) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Lenin V.I. (1975) *Complete Works*. 5th ed. Vol. 54. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Luxemburg R. (1991) *The Russian Revolution*. In: Luxemburg R. *On Socialism and the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Marx K., Engels F. (1955a) *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 Marx K., Engels F. (1955b) *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 X Congress of the RCP(b). Verbatim Record. (1963) Moscow. (In Russ.)

Received: 15.11.19. Final version: 14.02.20. Accepted: 02.03.20.